

Генрих Сапгир

Издательство "АФОНЯ"
Обложка работы В. Стацинского.

Генрих Сапгир

СТИХИ - 87

Париж

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

СТАРИКИ

(поэма)

Море
широко набегает на пляж

Волны
трясут бородами
древнегреческих мудрецов
еврейских священников
и старых философов нашего времени

Вот они –
сухие старики
сидят и лежат на белом песке

Девочка подбежала –
бросила песком в Льва Толстого
песок –
сквозь тело
упал на песок

Кто-то прошел сквозь равнина
и сел –
видна половина
прозрачная – равнина
и стена –
чужая темная спина

Лысый похожий на Сократа
глядя на море
сказал: «Мemento мори»

– Что есть истина? –
спросила половина равнина

И пустой Лев Толстой
сказал: «Истина внутри нас»

– Что внутри нас? Только солнце и тень –
возразила другая тень

Зашевелились старики
задвигались
забормотали рассыпая песок
и камни –
рассорились
сердитые бороды
поднялись
и пошли по пляжу –
разбредаются в разные стороны
обнимая людей
деревья
и горы
говорят о жизни и смерти...

Одна борода –
пена
и другая –
пена
остальные – высокие облачка

б.з. г.

СТИХИ-87

ЭТЮДЫ В МАНЕРЕ ОГАРЕВА И ПОЛОНСКОГО

1

Никто! мы вместе только захочу
на финских санках я тебя качу
ты гимназисткой под шотландским пледом
а я пыхтящим вислоусым дедом –
и разбежавшись по дорожкам льдистым
сам еду на полозьях гимназистом
Мы – отсветы чужие отголоски
мелькают елки сосенки киоски –
и с хода на залив где ветер дует
где рыбаки над лунками колдуют
где мне в лицо пахнет твой волос дымный
не нашим счастьем под луною зимней

Снежный ветер дует с белизны залива
рыбаки на льду чернеют сиротливо
Зябко – руки в рукава шинели прячу
и дышу в башлык – иду к нему на дачу
Долго буду там в углу снимать галоши
юной горничной шинель смущаясь брошу
К лампе – к людям – в разговор! – «Хотите чаю?»
за чужой спиной себя на стуле замечаю
и рука с кольцом холеная – хозяйки
чашку мне передаст «Возьмите сайки»
Обыск был у Турсиных – все ли цело?
Все сидят наперечет люди дела
Маша теплится свечой – чистым счастьем
и на сердце горячо что причастен

3

Прочли письмо узнали росчерк
вот кто иуда кто доносчик!
Тянули жребий – люди чести
и тот кому достался крестик
взял револьвер тяжелый как замок
кивнул и – в дождь...

Ждал долго... Весь промок
Сюртук тяжелым стал хоть выжми
но ствол сухим держал подмышкой
все вглядывался в ночь откуда
сейчас появится иуда
все пальцы разминал которые свело
и все спешил душой пока не рассвело

Еще пел соловей в бледных зарослях мая
комары уже открыли пляжный сезон
на заливе

Ты брился отдувая щеку в зеркало
подкручивал победные усики
ты душился пачулями
и был глубоко и серьезно несчастен

Она шла и шла по чуть заметной тропинке
расталкивая коленями тяжелый шелк платья
не хотела слушать никаких объяснений
и не успевая сам за собой
ты спешил впереди себя
за взволнованным демоном цвета морской волны
даже схватил ее за руку
нетерпеливо отдернула
отмахнулась от комара
локоть заехал тебе в лицо
было неловко и больно
она сердилась
все было кончено

Револьвер был чужой и тяжелый
как амбарный замок с ключом
но что делать –
во всех столичных газетах
уважающая себя публика
стрелялась только из американского СМИТА И ВЕССОНА
и представил себе ее слезы (будешь! будешь!)
допускаю ты застрелился
ведь когда я встал со скамейки
ты остался на ней полулежа
куколкой – раскрытой оболочкой

Колыхаясь на ветру блестящей тканью
шли из Хельсинки длинные фургоны – машины
время здесь пронизывало время
(крики лыжников их быстрые тени)
... и полней блаженство возвратиться
возвратиться
чтобы застрелиться

Опять на финских саночках тебя качу качу
и волосы кудрявые щекою щекочу
ты в муфте прячешь кроликов – я там и сам живу
полозья наши скрипнули со снега на траву
цветы такие нежные что кисея – внизу
давно по лесу летнему я саночки везу
твои глаза смеются: нет! – и губы как оса
а брови твои ласточкой ширяют в небеса
ныряй сквозь солнце ласточка! взгляни раскоса как
нас под медвежьей полостью уносит прочь рысак
(платок из муфты вынутый нетерпеливо мнут)
мы до моста Елагина доскачем в пять минут
Зажглись электролампочки у Зимнего в саду
тебя из века вашего как прапор я краду

Свесил усы и глядит дед
видно что свитер мешком прямо на тело надет
джинсы в бедрах не просто в обтяжку – в облип
взглядом по швам по медяшкам – сразу погиб
тут и причины не надо – молодость – вот и предлог
абрис грудей показать – крепость и грацию ног
Смотрит Обломов и Штольц – и Короленко дед
это парнишка из Штатов – пастух... двоеполое! бред!

Ты меня зовешь взглядом
в какое-то дostoевское до-блоковское
дрожки одинокий прохожий
Парголово Павловск Териокки
пустынный вид залива Финского
почти что Эда Баратынского

Ты меня зовешь смехом
парковая статуя под снегом
девичий портрет Маковский Репин
и кумиры: Царь Жорж Санд Тургенев
рассмеялась – и блестят блестят испуганные
так придумал что почти что вспомнил

Твой смех перерастает в кашель
Ну теперь что доктор скажет
мыза кумыс Баден-Баден Ница
мама брат жених – уйти уединиться
Монашка деловито: «какая красавица»
Жизнь короткая почти как детское платье

Твои веки – спящие голубки
и порхают быстрые улыбки
встрепенулись под рубашкой два голубя
и взлетают руки твои голые
так прекрасно что держу пока
третьего меж кружев голубка

Расскажу тебе свой сон откровенно
пусть уводит по руке бледная вена
снилась мне ты с непманами лысыми
и не с лысыми – с большими крысами
в мюзик-холле с толстым червяком –
покупал а сам едва знаком

Декорации переменились сразу
раздают тебя солдатам по ленд-лизу
получил брусок тебя – точно масло
спрятать в тумбочку хотел – нет! опасно
уронил искал и сам на месте том
поскользнулся плух – в тебя... В руку сон!

9

(из Уланда)

Иди ко мне – ты – жизнь моя живая
Уйди – ты – смерть моя – сомлело сердце
Я все что горько жизнью называю
а все что сладко называю смертью

«Она его не любила
а он ее втайне любил»
Неужто же все это было?
И век девятнадцатый был?

Мы пугалом сделали атом
мы вызвали нечисть из тьмы
Подумать что с веком двадцатым
уже на исходе и мы

И все же затянем уныло
мы внукам своим из могил
«Она его (жизнь) не любила
а он ее втайне любил»

Воронье царство у реки –
крик по верхам орленым
В Кремле латышские стрелки
стреляют по воронам

По выправке военный спец
иду в шинели долгой
Бежишь – и март как леденец –
ты – худенькая с челкой

Нет! мы встречаться не должны
Патруль чернеет у стены
Но обмирает сердце...
В дни революций и войны
любовь мудрее смерти

Будда – путник золотой стоял у храма
и бежали дети – вся его охрана
нищенкой лежала на ступенях ты

Сам я – тоже в желтом – стрижен под «нулевку»
с миской белой жести – но просить неловко
если б только пищи – но еще – любви

КНИГА ДУХОВ

*«Николаю... аю... аю...»
(приснилось)*

ИКОНА

Глаза поставленные близко –
ты смотришь Николай епископ
со старой треснувшей доски
– О исцели мя от тоски!

Еще со Щепкина знакома
и чудом спасена икона
сквозь грудь по золоту – ожог! –
себя ты оберечь не смог

Храни в пути и на чужбине
Приеду – оботру от пыли...
Не лик московского письма
а там – душа моя сама

Там – свет вселенской благостыни
глаза которые простили
окно взирающее... Верь
что отворяют эту дверь

«Аю... аю... Николаю...
небо хлеба лепо або
стали стыни и пустыни
Николаю... аю... аю...»

* * *

На всем пространстве времени
играют пролетающие духи
но сколько их во времени пространства –
пронизывающих и наше время! –
Вот ветерок подул – волна плеснула –
и распахнулась форточка – сквозняк –
и не успел ты встать со стула –
пронесся рой клубящихся одежд
сквозь комнаты – брыкаясь – и с балкона
уже взлетел в ликующее небо

Я помню девушку – болгарка или демон? –
лиловые глаза – во все лицо
Ты для нее – ручей или река –
и сразу видит твой исток и устье
Так духи видят нас наверняка

* * *

Боюсь контакта – помню: не коснусь
Во сне толкает исподволь – проснусь
где б ни был он – из космоса из мглы
летит на мысль – на острие иглы
Бокал с бокалом разлетелись: прозит!
Мурашками с затылка заморозит
беззвучный ток вне разума: «ты есть
но ты – ничто! И потому я здесь»

АРМАГЕДДОН

– В себе что видишь женщина?

– Там алое там золото...

Кинжалы и камзолы там –
идут идут торжественно...

Штандарты и знамена там –
и грифы и вороны там –
и графы и бароны там –
и нищих миллионы там

Средневековой Англии
подобно это шествие –
и пламенные ангелы
орут как сумасшедшие...

– Еще что видишь женщина?

– Слепые маски бонз –
рты рваные как трещины
и лбы их ярче солнц

Монашки за монголами
блестят ногами голыми –
и зазывает плоть
хватать щипать колоть—

– Что это за нашествие?
– Чье это сумасшествие?
– Здесь Гордость Злость и Лесть
Корысть и Любострастие
Грех со слоновой пастью
и Грех еще клыкастее –
и всех не перечесть...

Летят трубя и каркая –
ты – их добыча жаркая
их приз – игрушка яркая
ты – их дворец и трон
вся боль и унижение
ты – поле их сражения
ты – их Армагеддон

МУУХ

В меоле плавал юный дух Муух
светящимся мяучиком играя –
вдруг увидел как выдумал картину:
пространство ограниченное с трех
сторон – чужого времени резину –
и червячков едва ползущих с края

И удивился юный дух Муух:
неужто этот скудный мир и слизи
есть тоже проявление щедрой Жизни?
Но что они? Что их интересует?
И цветомысли что им там рисуют?..
(мяучик был заброшен и потух)

Ждут ли они рождения сверх-новой
и тоже коллапсировать готовы?
А гонки – гравитации скачки
когда дрожат все мыслимые сферы?!
Нет просто червячки как червячки
их солнце тоже – скромные размеры

Предположить что в этой плоти дух
что правит им божественная Воля
и что один из них легко и просто
вообразил Мууха и присоска!..
Дух пузырьками прыснул из меоля
перепугав каких-то двух дремух

ПРОЛЕТАЯ

Легуры лигаты и длинные змыры
порхающей сеткою молний объаты
и льдистою влагой омыты
пролетали незримо над городом

И вдруг увидали что их увидали
широко расставленные детские глаза
в которых легуры лигаты и длинные змыры
стреляя зелеными молниями
проносились над городом

легуры лигаты и длинные змыры
ринулись вниз на огни и коробки
огни распадались на улицы автомобили –
факелом полыхнул вертолет –
все двигалось – шум вырастал –
ВДРУГ все окунулось в черное масло –
последняя лампочка лопнув погасла

Легуры лигаты и длинные змыры
ходили по крышам карнизам балконам
арбалеты и крылья с крюками волоклись по бетону
громыхало железо

Неохотно светало
На краю небоскреба
навстречу лиловому шару
встал остроголовый Васдука –
дриадон троеклювый
утопая в солнце топазовыми яблоками
детское тело когтил

ВСТРЕЧА

Арух – свободный дух
в горах витая летним утром
однажды встретился с компьютером
Ввысь поднимал эфирный ветер
внизу зиял чернея кратер
летали люди вроде мух

Вынырнув в нашем времени
из своего – из незримого пламени
понял еще не ступив в эту реку:
время принадлежит человеку...
Просторы сознанием своим озарив –
все гладко – загадка – наткнулся на риф

С такой быстротой шла работа отсчета
как будто кто-то настигал кого-то
мчались водопады цифр – шел за валом вал
и недоумевая:
так не ведет себя материя живая –
Арух за ними еле попевал

Арух – свободный дух уразумел итог
Ты слышал как смеются духи?
При ярком солнце крик совиный...
Сходили снежные лавины...
Все небо было в этом смехе –
и времени унес его поток

СТРАЖИ

Там – на страшной высоте
реют сильные линоны
длиннокрылые линоны –
тамнастра и томнасте

Озирает тамнастра
темносиние падины
где восходят саладины
соболея до утра

Там – на страшной высоте
искра хлизнула – блеската
нисходящее стокатто –
и ныряет томнасте

Тамнастра и томнасте –
чутко стрееет эта пара...
только серая лунара
в стороне пройдет как тень

ТОРОН

1

Она возникла на пустом
песке – пронизанная светом
Хотела женщина – фантом
чтобы Торон забыл об этом

Потом волна ее размыла –
песок и что-то вроде мыла

В Торона влюбилась кальмариха двадцатиногая
Торон размышляет себя ею трогая:
если поглядеть по-философски
щупальцы
нежней чем пальцы
а губы – те же присоски

Дошел до совершенства бешенства!
Жена всю ночь стреляет уток
а если ночь продолжается 150 суток
есть от чего потерять рассудок
Он вскакивает каждую минутку –
жена «пиф-паф!» кричит в темноту...
Наконец Торон превратился в утку
и она подстрелила его налету

Розовая Лямб сказала Торону
– Какая прелесть – большие уши!
Не бойтесь – я ваши уши не трону
глядя на них я думаю о муже
– И как же вы спите?
– Ухо к уху
А между них запускаем муху

Приняли таблетки легли в постель
умерли – и началась канитель...
Вышли из больницы – есть в квартире газ
их реанимировали и на этот раз...
На море лодку качала волна –
спасли водолазы – достали со дна...
Русые головки – красавицы обе
И думал Торон
«Это страсть или хобби?»

Пирог с начинкою – Торон –
и ум и сто угодий в нем
А для нее –
чья челюсть – бороны зубье
лишь надкусить наискосок
чтобы потек
по подбородку темный сок

7

Решили духи что Торон
приятен им со всех сторон
он словно бабочка порхает
но эта бабочка чихает
на всякий чих
родится дух

Умер Торон – превратился в Торонто
Торонто – в трубу
а труба – музыканта
(хотел музыкант переделаться в Канта
но тут же его попросили обратно)
Стал баром барон от несчастной любви
Стал тарой Торон – и поет «c'est la vie»
Реальность сквозит папиросной бумагой
Любую фантазию выужу из
пучины где плаваю вольной навагой
а сам на крючке у кого-то повис

НА СКЛОНАХ ДАКАРАГА

Когда сумеречная наволочь
затопляет каменные скаты
серые граниты Дакарага
лишь вверху сияет полоска –
из туманных низин и ущелий
на охоту выходят икварки –
верные похиты Дакарага

Длинные ушастые как рыи
темные и быстрые как оги –
то ли силуэт на фоне неба
то ли тень высоко на дороге –
только в горы лучше не соваться
ни охтаннику в рваной кольчуге
ни горцару в голубых окальных латах –
бластеры и трубы не помогут –
молнии отскочут как от камня

Из Агара ехали мордуки
черно-бородатые в металле
ехали шутили хохотали
девушек хватали – обижали
И бежали их черные саддуки
в панцирях и масках шишковатых...
Там в горах – одни пустые скорлупы
там кричат и прядают пируя
хохлые стервятники – карай

Каменные ядра пролетают –
слишком низко ходят наши луны –
заливая диким белым блеском
серые граниты Дакарага

и тогда сверкают как сапфиры
все три глаза старого икварка –
он стоит среди кустов солярий
и густых колючих астролярий
смотрит но не в небо – дальше – выше

Ждет ли некой вести голубиной
но молчат туманные глубины
хоть бы капля прочертила небо...
Лишь мигает бледный рой мехлушек
и стрекочет у реки лескатта...
Так всю ночь зиять влиять и слушать
чтоб никто – ни люди ни скарабы...
Тайна – это кратер Дакарага
в кратере октаэдр – корабль

АНГЕЛЫ СЛЫШАТ

Снизу слышат ангелы в стане Силоам
детское дыхание – предшествование словам

Слышно им как просто думает старик
«Умираю... Выпал снег... Вообще привык...»

Слышат много умных слов но – лишенных смысла –
это человечество маревом повисло

Слово *мир* как слово *миф*
вместо *Бога* – *Благо*
тлеет гноем лопаясь – корчится бумага

и на самом дне слова будто муравьи –
их не слышат ангелы
а всё – о любви

**Стихи были прочитаны 27 ноября 1987 г.
на вечере в мастерской художника В. Бруя
в Париже.**